

УДК 101.1

Политика памяти как предмет философской рефлексии*

А. А. Линченко¹, Д. А. Аникин²

¹ кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Липецкий государственный технический университет. Россия, г. Липецк. E-mail: andrej.linchenko@bk.ru

² кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Россия, г. Саратов. E-mail: dandee@list.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка философского анализа политики памяти. Обосновывается мысль, что плюрализм коммеморативных практик и множественность политик памяти не препятствуют возможности философского осмысления политики памяти. Это фундировано особым статусом категорий «время» и «пространство» в политическом присвоении прошлого. Показано, что важная роль именно философского подхода к политике памяти связана с необходимостью выработки методологии, которая могла бы соответствовать особенностям и множественности современных субъектов политики памяти. Авторы доказывают, что такой методологической основой в современных условиях выступает «практический поворот» в социально-гуманитарном знании. «Практический поворот» акцентирует внимание на социокультурной обусловленности коллективных и индивидуальных способов обращения к прошлому, а также на взаимной обусловленности и конкуренции между коммеморативными практиками, связанной как со своеобразием исторических стереотипов, так и с «неподатливостью» материальных акторов. В контексте «практического поворота» в современной философии намечаются методологические перспективы использования акторно-сетевой теории и деятельностного подхода в анализе политики памяти. Обосновывается их приоритетное значение в философском анализе субъекта политики памяти, который в современных условиях представлен не только государством, но и негосударственными акторами.

Ключевые слова: политика памяти, философия политики, философия памяти, акторно-сетевая теория, деятельностный подход.

Политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств. Вместе с тем многочисленные формы и способы реализации политики памяти стали предметом множества различных кейсов, что во многом отражает особенности современного этапа развития memory studies. Как отмечает Р. Брубейкер, одним из недостатков современных memory studies является отсутствие полноценных компаративных исследований, которые были бы далеки как от предельно общих высказываний, лишаящих коллективную память специфических характеристик, так и от сосредоточенности на частных формах коллективных воспоминаний [4, с. 291]. Более того, современные исследования коммеморативных практик вообще тяготеют в сторону социологии, уводя взоры исследователей от философских аспектов осмысления политики памяти и ее места в общественной жизни [16, р. 107]. Также заметим, что термин «политика памяти» далеко не единственный в ряду понятий, описывающих различные формы политического использования прошлого. Также распространены такие термины, как «историческая политика» [6; 8, с. 7–32], «символическая политика» [7], «политика идентичности» [10], «политика прошлого» [5, с. 374–395].

Вместе с тем подобный плюрализм коммеморативных практик и множественность политик памяти не препятствуют возможности философского осмысления политики памяти. Сама возможность выстраивания некой метафилософской точки зрения относительно политики памяти может стать важным шагом в деле преодоления конфликтогенного характера пространства социальных воспоминаний, которые отличаются избирательностью и являются предметом манипуляций.

Политика памяти является философской проблемой. Это связано как минимум с двумя ключевыми моментами. Во-первых, коллективная память (культурная/социальная/историческая) традиционно является одним из объектов изучения современной философии истории, претерпевшей существенные изменения во второй половине XX в. Во-вторых, сам феномен политического может быть осмыслен не только на уровне собственно политической науки (политологии), но и на уровне философии (философия политики). Философия политики обращается главным образом к нормативным

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

© Линченко А. А., Аникин Д. А., 2018

вопросам, ее интересует должествование и наиболее общие основания политической деятельности, феномена власти и политической морали, природа и сущность самой политики, политические ценности и цели [1, с. 173]. Можно также сказать, что «философский подход к политике можно определить как осмысливающую интерпретацию отношения человека к миру, которое наполнено феноменальностью политического в его традиционных, действительных и идеальных формах... вопрос о бытии сущего смысл которого интерпретируется как политический» [12, с. 124–125].

С позиций этой предельно широкой и восходящей к Аристотелю трактовки политики как сферы деятельности политического человека мы будем смотреть на возможность философской рефлексии относительно политики памяти. В связи с этим философский подход к политике памяти следует начинать не столько с типов, форм и способов политики памяти как таковой, сколько с анализа политики времени как особой области управления и присвоения опыта времени и прошлого. Это означает, что любая стратегия политики памяти уже предполагает определенную философию истории и определенным образом позиционирует себя в историческом пространстве и времени. Недавние работы, посвященные различным аспектам политического присвоения времени [3, с. 174–202; 17, р. 79–84; 13], позволяют нам говорить о необходимости определения категорий «время» и «пространство» в отношении политики памяти.

Использование категории «время» применительно к политике памяти означает, во-первых, особенности самого порядка сочленения модусов времени в рамках определенной стратегии политики памяти. В данном случае для нас оказывается важной идея Р. Козеллека о невозможности редуцировать историческое время к физическому времени. Способ соединения прошлого, настоящего и будущего оказывается проекцией определенного «пространства опыта» (Erfahrungsraum) и «горизонта ожиданий» (Erwartungshorizont) [2]. Это означает, что всякая конкретная концепция времени в политике памяти будет устанавливать определенную взаимосвязь между пространством опыта и горизонтом ожиданий. Во-вторых, политика памяти как одно из проявлений политики времени может по-разному трактовать понятия «современность», «одновременность неодновременного» и «аллохронизм» (отрицание равенства во времени). Речь идет о позиционировании той или иной культуры или государства как превосходящей другие в темпах развития, а потому имеющего свой особый темпоритм. Вопрос в том, что политика памяти трактует как «устаревшее», подлежащее забвению, а что – как «современное» или что-либо как «непреходящее», составляющее основу идентичности и исторической преемственности. При этом более ранние эпохи могут оказаться ближе современности, чем более поздние эпохи. В-третьих, важной философской проблемой политики памяти оказывается идея самой исторической преемственности. В данном случае речь идет о той широте охвата исторических эпох, которые определяются в ряду преемственных к современной политике памяти. Или, наоборот, в силу определенных причин может иметь место дистанцирование от определенных периодов истории, рассматриваемых как нарушение преемственного порядка. Так, например, современные политические партии России практически однозначно рассматривают эпоху перестройки 1985–1989 гг. как выпадающую из череды важнейших вех российской истории [2]. В-четвертых, с использованием особой философии времени связано определение политикой памяти основополагающих точек отчета, которые оказываются важнейшими датами календаря памяти культуры или государства. В связи с этим именно обновление и изменение календаря оказывается одной из важнейших практик современной политики памяти, что мы можем видеть, в частности, на постсоветском пространстве и в современной России (например, празднование Дня народного единства 4 ноября).

Не менее важным является и использование категории «пространство» применительно к политике памяти. Она позволяет, во-первых, говорить о тех структурных измерениях исторических эпох, которые мыслятся политикой памяти. В данном случае ключевым оказывается вопрос о том, что оказывается наиболее привлекательным для использования прошлого в политическом контексте? Это могут быть политическая история, история революционных движений эпохи, история повседневности и т. д. В данном случае также в фокусе внимания оказываются альтернативы прошлого, представленные в реализуемой политике памяти. Во-вторых, пространственный аспект философского рассмотрения политики памяти ориентирует не только на исследование прошлого своей страны, но также может быть связан и с репрезентацией Другого в пространстве памяти, того, как Другой может входить в коллективную память и политику памяти (враг, союзник, соперник, сосед). Наконец, в-третьих, использование категории «пространство» в философском изучении политики памяти оказывается связанным с постоянной системой взаимоотношений между индивидуальной памятью и ее местом в пространстве памяти коллективной.

Из вышеобозначенных рассуждений может показаться, что под политикой памяти подразумевается, прежде всего, государственная политика памяти. Однако современный взгляд на политику памяти показывает, что она может быть реализована не только государством, но и негосудар-

ственными акторами (церковь, общественные организации, бизнес-структуры, политические партии). В связи с этим ключевым философским вопросом является выбор той методологии, которая могла бы соответствовать особенностям как современного субъекта политики памяти, так и объекта политики памяти (мозаичность, избирательность, мифологизированность массовых представлений о прошлом, их способность сопротивляться навязываемым официальным схемам интерпретации прошлого). Более того, современной политике памяти приходится иметь дело не с гомогенным пространством массовой исторической памяти, но с различными культурами воспоминания (Erinnerungskulturen).

Определенным горизонтом, намечающим пути дальнейшего философского изучения политики памяти, является так называемый «практический поворот», получивший широкое распространение в антропологической, философской и социологической литературе в 80-е гг. [18, p. 185–207] Речь идет о внутренней «практизации» теоретического ядра философского знания, переопределении понятия философии в рамках ее постметафизического понимания, что означает, прежде всего, «посюстороннюю» привязанность философского мышления к опыту, медиальное понимание опыта и перформативность философской «теории». Из перспективы «практического поворота» рассмотрим две методологические стратегии, которые могут быть эффективно использованы в рамках философского изучения политики памяти. Речь идет об акторно-сетевой теории и деятельностном подходе как различных версиях философского конструктивизма.

Вопрос о применимости акторно-сетевого подхода в гуманитарных исследованиях (а конкретно – в изучении политики памяти) нуждается в двух методологических замечаниях. Во-первых, необходимо понимать, что акторно-сетевой подход представляет собой совокупность исследовательских стратегий, ориентированных на анализ научных практик, но при этом заметно различающихся как с точки зрения различных школ, так и в силу естественного хронологического сдвига интересов у основоположников данного подхода. Иначе говоря, следует не только разграничивать позиции Парижской (М. Каллон, Б. Латур) и Ланкастерской школ (Д. Ло, Д. Урри), но и учитывать изменение исследовательской позиции, например основателя акторно-сетевого подхода Б. Латура на протяжении его научной карьеры [9, с. 2–34].

Во-вторых, акторно-сетевой подход сознательно противопоставляет себя социальному конструктивизму, хотя не перестает быть от этого конструктивистским. Парадокс данной ситуации заключается в том, что социальный конструктивизм приписывает деятельностное начало в практиках конструирования научных дискурсов различным сообществам (как политическим, так и культурным), в то время как акторно-сетевой подход постулирует равноправие акторов (человеков и не-человеков) в процессе конструирования научных фактов. В этом смысле можно говорить, что конструктивистская направленность подхода выходит за рамки социального детерминизма (даже «сильной программы» социологии знания Д. Блура), демонстрируя стремление к выявлению всего многообразия контекстов, обуславливающих появление научного знания как продукта определенных познавательных процедур.

Если для сторонников позитивизма отсутствие возможности эмпирической проверки выдвигаемых исторических гипотез создавало бы серьезную методологическую проблему, то с точки зрения акторно-сетевого теории историческая реальность не имеет принципиальных отличий от эмпирически наблюдаемой и исследуемой реальности. И в том и в другом случае мы имеем дело не с самой реальностью, а с *совокупностью процедур*, итогом которых и становится возникновение «эффекта реальности». Просто в одном случае в качестве акторов данных процедур выступают объекты, которые воспринимаются как синхронические, а в другом – как диахронические, что предполагает более сложную конфигурацию взаимодействий, поскольку каждый материальный объект, включаемый в формирующуюся конфигурацию, должен удовлетворить определенным когнитивным положениям, устанавливающим его возможность отсылать к определенному прошлому.

Этих уточнений было бы достаточно в том случае, если бы речь шла о лаборатории профессионального историка, руководствующегося в своей деятельности преимущественно когнитивными рамками и имеющего дело с набором материальных и нематериальных объектов, репрезентирующих определенную историческую эпоху. При этом приоритет когнитивных рамок сетевого взаимодействия абсолютно не означает отсутствие других контекстов, а лишь указывает на определенную иерархичность (впрочем, весьма относительную) контекстов, определяющих количество и предел допустимых взаимодействий. Но в случае политики памяти следует говорить о выходе за пределы лаборатории профессионального историка, поскольку само понятие коллективной памяти не только максимально расширяет число акторов, которые задействованы в создании образов прошлого, но и включает данные образы в целый ряд принципиально иных контекстов, притом что эти контексты могут слабо соотноситься с теми специфическими сетевыми взаимодействиями и теми рамками, ограничивающими количество допустимых процедур, которые конституируют работу научной лаборатории.

Важный шаг для обоснования возможности использования акторно-сетевой теории в исследованиях политики памяти делает в одной из своих последних работ Б. Латур, вводя понятие модулов существования, точнее говоря, переосмысливая данный термин в контексте трансформации своих исследовательских установок [15, р. 7–11]. С его точки зрения, стоит говорить не только о научных сетях, а, скорее, о различных видах сетевых взаимодействий, которые не остаются изолированными, а пересекаются между собой. И в этом смысле научная лаборатория, которая в его ранних работах задает рамки взаимодействия акторов и выстраивания сетей, представляется лишь локальным сегментом более масштабных процессов. Образ лаборатории выступает лишь моделью получения научного знания, поскольку ее отграниченность от внешних условий является теоретической установкой исследователя, ставящего перед собой задачу реконструкции ограниченного количества сетевых взаимодействий.

Если продолжать метафорический ряд, описывающий разнообразие типов сетевых взаимодействий, то можно говорить не только о лаборатории ученого, но и о мастерской художника или о кабинете политика. Последний образ представляется максимально соответствующим возможности описания политики памяти с точки зрения акторно-сетевой теории, поскольку предполагает приоритет административных рамок над сугубо когнитивными. Результат научных исследований (сам представляющий собой сложное сетевое взаимодействие) становится лишь одним из акторов, включаемых определенным субъектом политики памяти в новую сетевую структуру. Задачей политика и становится сопряжение различных акторов, включение в существующую сеть новых элементов при условии сохранения динамического равновесия всей сетевой структуры, ориентированной на реализацию политического интереса. Понятие «политический интерес» в данном контексте отображает специфически свойственную политике форму центрирования сети, сосредоточения сетевых взаимодействий на достижении подвижного равновесия между частными интересами локальных политических сообществ (как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических). Если Н. Макиавелли характеризует посредством политического интереса деятельность правителя по достижении определенных целей, то в акторно-сетевой трактовке интерес превращается в характеристику аппаратного взаимодействия, ориентированного на относительное удовлетворение потребностей всех вовлеченных в процесс управления акторов.

Разумеется, максимальным выражением политического интереса является государство, которое обращается к историческому знанию как к одному из наиболее существенных символических ресурсов, способному легитимировать сложившийся политический порядок. Специфика государства в качестве субъекта политики памяти заключается в наличии разнообразных ресурсов, которые могут быть использованы для актуализации того или иного образа прошлого. При этом политика памяти может быть помещена в более широкий контекст символической политики, целью которой и является производство массово потребляемых образов, увеличивающих степень консолидации и минимизирующих политические риски. Суть политики памяти заключается в сочетании когнитивного, политического, этического, прагматического контекстов производства образов прошлого, выстраивании сложных сетевых взаимодействий, ориентированных не только на соответствие получаемого знания принципу исторической достоверности (или хотя бы правдоподобия), но и на достижение консенсуса между политическими интересами различных сообществ. Большое значение в данном контексте приобретают и материальные акторы, которые в интерпретации Б. Латура называются «не-человеками». «Все отношения между социальными институтами и, тем более, между индивидами и социальными институтами должны быть кем-то или чем-то опосредованы. Такими посредниками выступают субъекты, одной из функций деятельности которых является символическая функция (Президент, Председатель Правительства, лидеры политических партий), национальные символы (флаг, герб, гимн), законодательные акты (прежде всего, Конституция), сообщения средств массовой информации, касающиеся позиционирования государства в мире, и т. д.» [11, с. 12–17]. Таким образом, реализация государственной политики памяти не может рассматриваться как односторонний процесс разворачивания определенных политических ценностей и идеалов, причем по двум существенным причинам. Во-первых, государство нельзя рассматривать как единый актор политики памяти, поскольку его позиция представляет собой уже результат целого ряда сетевых взаимодействий различных политических акторов. Во-вторых, конкретные образы прошлого являются продуктом сетевого взаимодействия государства с различными сообществами, в котором итоговый результат (с точки зрения его восприятия и оценки) может кардинально отличаться от исходных образов, используемых политическими акторами.

Понимание политики памяти как целенаправленной деятельности и сохранение государства в ряду одного из важнейших ее акторов открывает перспективы и для другой методологии «практического поворота» в современных философских исследованиях политики памяти. Речь идет о

широко распространенной в нашей стране культурно-исторической теории (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев), а также деятельностном подходе (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, В. А. Лекторский, В. С. Швырев). Особое место занимает в связи с этим философская концептуализация культуры в работах Э. В. Ильенкова. В современных исследованиях (В. А. Лекторский, А. Д. Майданский) деятельностный подход и культурно-историческая теория давно уже рассматриваются как более широкая философия практики, несводимая к советскому марксизму и соотносимая скорее с практическим поворотом современной философии, интерпретируемой как постметафизическая (Ю. Хабермас). Чем же может быть полезна данная методология в рамках изучения нашей проблемы?

Во-первых, деятельностный подход акцентирует внимание на идее социально-культурного опосредования политики памяти, рассматривая ее в контексте социальных процессов и отношений, в контексте исторической культуры (Й. Рюзен) общества и ее рефлексивного плана – исторического сознания. Политика памяти с этой точки зрения – это всегда продукт совместной деятельности людей по воспроизводству и конструированию прошлого. Также заметим, что культурно-историческая теория Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева позволит увидеть ведущую роль социокультурных процессов как среды интеграции познавательных, ценностных и практических аспектов освоения прошлого в историческом сознании и политике памяти.

Во-вторых, деятельностный подход позволяет говорить не о созерцательном, как в герменевтике и экзистенциализме, а об активном характере взаимоотношения политики памяти и культурной памяти. В этом смысле субъектом политики памяти оказывается актер, включенный в мир культурной памяти. Политика памяти, равно как и рефлексивное историческое сознание общества, оказывается вплетенной не только в непосредственные коммеморативные практики, но и в повседневные практики труда, быта и досуга, где прошлое не всегда выступает как непосредственный предмет деятельности. В связи с этим деятельностный подход можно трактовать как умеренную версию конструктивизма.

В-третьих, деятельностный подход с присущей ему тягой к телеологии, идее рациональности деятельности, позволяет вернуть в качестве значимого предмета обсуждения проблематику единства рационального и иррационального в воспроизводстве прошлого. Несмотря на ситуативный характер коммеморативных практик, их сетевой характер взаимосвязи, сопротивление навязываемым официальным стратегиям прошлого (М. де Серто), деятельностный подход в анализе исторического сознания апеллирует к историческому мышлению как к рефлексивной форме взаимоотношения с прошлым. В связи с этим встает проблема личности как сознательного субъекта коммеморативных практик, исторического мышления и политики памяти.

Таким образом, плюрализм коммеморативных практик и множественность политик памяти не препятствуют возможности философского осмысления политики памяти. Философский подход к политике памяти следует начинать не столько с анализа типов, форм и способов политики памяти как таковой, сколько с анализа политики времени как особой области управления и присвоения прошлого. Современный взгляд на политику памяти показывает, что она может быть реализована не только государством, но и негосударственными акторами. Ключевым философским вопросом является выбор той методологии, которая могла бы соответствовать особенностям и множественности современных субъектов политики памяти. Важную роль в данном случае играет «практический поворот», получивший широкое распространение в антропологической, философской и социологической литературе. «Практический поворот» акцентирует внимание на социокультурной обусловленности коллективных и индивидуальных способов обращения к прошлому, а также на взаимной обусловленности и конкуренции между коммеморативными практиками, связанной как со своеобразием исторических стереотипов, так и с «неподатливостью» материальных акторов. В связи с этим ведущая роль принадлежит акторно-сетевой теории и деятельностному подходу как различным версиям философского конструктивизма.

Список литературы

1. Алексеева Т. А. Предмет политической философии // Полис. Политические исследования. 1992. № 3. С. 173.
2. Аникин Д. А., Линченко А. А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // Studia Humanitatis. 2017. № 4.
3. Бевернаж Б. Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 174–202.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012.
5. Кирчанов М. В. «Политика прошлого» в современной Грузии, или Как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 374–395.
6. Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 320 с.

7. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М. : Полит. энцикл., 2015. 207 с.
8. Миллер А. И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 7–32.
9. Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. № 1. С. 2–34.
10. Политическая идентичность и политика идентичности : очерки / под ред. О. И. Зазнаева. Казань : Отечество, 2011. 232 с.
11. Санина А. Г. Конструирование гражданской идентичности: подход с позиций акторно-сетевой теории // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 12–17.
12. Шевчук Д. М. Философское понимание политики и современная (пост)политическая ситуация // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Философия. Социология. Политология». 2014. № 2. (26). С. 124–125.
13. Fabian J. Time and the Other. How anthropology makes its object. N. Y. : Columbia University Press, 2002. 205 p.
14. Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlichen Zeiten. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2017. S. 350.
15. Latour B. An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge : Harvard University Press, 2013.
16. Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 107.
17. Osborne P. Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time // Lorenz C., Bevernage B. (eds.) Breaking Up Time: Negotiating the Borders between the Present, the Past and the Future. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 79–84.
18. Stern J. D. The Practical Turn // The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences. Oxford, 2003. P. 185–207.

Memory policy as a subject of philosophical reflection

A. A. Linchenko¹, D. A. Anikin²

¹ PhD of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Lipetsk State Technical University. Lipetsk, Russia. E-mail: andrej.linchenko@bk.ru

² PhD of philosophical sciences, associate professor, Department of theoretical and social philosophy, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Saratov, Russia. E-mail: dandee@list.ru

Abstract: The article is aimed at the philosophical analysis of the politics of memory. The authors substantiate the idea that the pluralism of commemorative practices and the plurality of politics of memory do not prevent the possibility of philosophical understanding of the politics of memory. This is due to the special status of the categories of time and space in the political appropriation of the past. It is shown that the important role of the philosophical approach to the politics of memory is connected with the need to develop a methodology that could correspond to the features and plurality of modern subjects of the policy of memory. The authors argue that such a methodological basis in modern conditions is a "practical turn" in social and humanitarian knowledge. The "practical turn" focuses attention on the sociocultural conditioning of collective and individual ways of addressing the past, as well as on mutual conditioning and competition between commemorative practices, related both to the uniqueness of historical stereotypes and to the "stubbornness" of material actors. In the context of the "practical turn" in modern philosophy, there are outlined methodological perspectives of using actor-network theories and the activity approach in analyzing the politics of memory. Their priority is substantiated in the philosophical analysis of the subject of the politics of memory, which in modern conditions is represented not only by the state, but also by non-state actors.

Keywords: politics of memory, philosophy of politics, memory philosophy, actor-network theory, activity approach.

References

1. Alekseeva T. A. *Predmet politicheskoy filosofii* [Subject of political philosophy] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* – Polis. Political research. 1992. No. 3. P. 173.
2. Anikin D. A., Linchenko A. A. *Izbiraya pamyat'? Politicheskie partii v Rossii kak aktory istoricheskoy politiki* [Choosing memory? Political parties in Russia as agents of historical policy] // *Studia Humanitatis*. 2017, No. 4.
3. Bevernazh B. *Allochronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost'. Kritika proekta radikal'noj sovremennosti Johannesa Fabiana i dovody v pol'zu novoy politiki vremeni* [Allochronism, equality in time and the present. Criticism of the project of radical modernity by Johannes Fabian and arguments in favor of the new politics of time] // *Sociologiya vlasti* – Sociology of power. 2016, vol. 28, No. 2, pp. 174–202.
4. Brubejker R. *Ehtnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. M. Publ. house of Higher School of Economics. 2012. P. 291.

5. Kirchanov M. V. «Politika proshlogo» v sovremennoj Gruzii, ili Kak SMI i publichnye politiki formiruyut kollektivnye predstavleniya o proshlom ["Politics of the past" in modern Georgia, or How mass media and public politicians form collective ideas about the past] // *Dialog so vremenem* – Dialogue with time. 2016, vol. 56, pp. 374–395.
6. Kuposov N. E. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime. History and politics in Russia]. M. New literary review. 2011. 320 p.
7. Malinova O. YU. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchej ehliny i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Relevant past: the symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of identity] M. Polit. encyclopedia. 2015. 207 p.
8. Miller A. I. *Vvedenie. Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI veka* [Introduction. Historical policy in Eastern Europe of the beginning of the XXI century] // *Istoricheskaya politika v XXI veke : sb. st. – Historical policy in the XXI century*: coll. articles. 2012. Pp. 7–32.
9. Pisarev A., Astahov S., Gavrilenko S. *Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka* [Actor network theory: unfinished assembly] // *Logos* – Logos. 2017, No. 1, pp. 2–34.
10. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: ocherki* – Political identity and identity politics: essays / under the editorship of O. I. Zaznaev. Kazan. Otechestvo. 2011. 232 p.
11. Sanina A. G. *Konstruirovaniye grazhdanskoj identichnosti: podhod s pozicij aktorno-setevoj teorii* [Construction of civil identity: an approach based on actor network theory] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2010, No. 4, pp. 12–17.
12. Shevchuk D. M. *Filosofskoe ponimanie politiki i sovremennaya (post)politicheskaya situaciya* [Philosophical understanding of politics and the current (post)political situation] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filosofiya. Sociologiya. Politologiya»*– Herald of Tomsk State University. Ser. «Philosophy. Sociology. Political science.» 2014, No. 2 (26), pp. 124–125.
13. Fabian J. *Time and the Other. How anthropology makes its object*. N. Y. : Columbia University Press, 2002. 205 p.
14. Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlichen Zeiten*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2017. P. 350.
15. Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge : Harvard University Press, 2013. Pp. 7–11.
16. Olick J. K., Robbins J. *Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 107.
17. Osborne P. *Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time* // Lorenz C., Bevernage B. (eds.) *Breaking Up Time: Negotiating the Borders between the Present, the Past and the Future*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. Pp. 79–84.
18. Stern J. D. *The Practical Turn* // *The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences*. Oxford, 2003. Pp. 185–207.